

Эва Нова

Горят маяки

Эва Нова

Горят маяки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66101210

SelfPub; 2022

Аннотация

Майя работает курьером в волшебном месте, где реальность похожа на сон, ветер может оторвать от земли, а странные безликие люди внимательно наблюдают.

Эва Нова

Горят маяки

В Хельм

Майя прислонила голову к окну, надеясь разглядеть в чернильной темноте хоть что-то, кроме своего отражения. Ее восьмичасовое путешествие, которое включало в себя два поезда и электричку, подходило к концу. Однако радости она не чувствовала – только усталость. Подоконник был нечист, как собственно и весь вагон, но тяжелая голова клонилась к стеклу, несмотря на брезгливость.

В непроглядной темноте время от времени мелькали освещенные городки, мимо которых стремительно проходил поезд, и Майе только и оставалось, что глядеть на пустые дороги, низкие домишки и редкие вывески гостиниц. Она посмотрела на часы – если электричка идет по расписанию, то станция уже через полчаса. Полчаса – такая мелочь по сравнению с дорогой, которую она уже проделала за сегодня.

В маленький провинциальный Хельм ее вела вакансия. Она искала работу, и знакомая предложила занять ее место ассистентки доктора Штерна. «Достаточно любить путешествия, знать местное наречие и не быть растяпой – и место твоё!» – убеждала Лада. Майя местное наречие почти не знала, путешествовать не любила, но работа ей была нужна – и она решила попробовать.

Поезд вышел из туннеля, и освещение отключилось на несколько секунд, за которые Майя успела разглядеть высокий холм и мрачную заброшенную церковь. Свет снова зажегся, и она теперь видела только своё испуганное лицо и широко распахнутые глаза. Уже не в первый раз за день она подумала, что ей ничего не мешает в итоге отказаться от места. Большой портовый город, где она делала пересадку, ей понравился, но вот уже третий час она удаляется от него на электричке, что красной змеёй вьётся среди холмов.

Наконец-то конечная. Майя сняла с полки чемодан, который за выматывающий день из вполне сносного превратился в практически неподъёмный, и покатила его за собой к ступенькам. На пустующей платформе она сразу заметила Ладду. Ее подруге имя и впрямь подходило – ладная, высокая и полноватая, уверенная в себе. Майя махнула ей рукой и поспешила навстречу, чемодан подпрыгивал сзади на плитках платформы. Девушки радостно обнялись, и от сердца у Майи отлегло.

– Доктор Штерн живет недалеко, на машине вмиг доедем. На автобусе будет чуть дольше, зато остановка сразу перед его домом. Я тебе все покажу, – объясняла Лада, ведя подругу к своей изрядно замызганной Шкоде. – Доктор – приятный человек, немного не от мира сего, как и все ученые. Раньше он сам везде ездил, а теперь, вот, в инвалидном кресле... Работа у тебя будет несложная. Он сам занимается исследованиями. На тебе только электронная почта, доктор не

очень ладит с техникой. Ну и поручения. Это даже основное. Доктор будет давать тебе папки с документами, а ты должна будешь их отвозить.

– А нельзя это сделать по почте? – поинтересовалась Майя.

– Здешняя почта доставляет посылки неделями, – рассмеялась Лада, – а ты справишься за день. Да и страну посмотришь. В Хельме не так уж много интересного.

Майя слушала подругу и смотрела в окно автомобиля. Унылый маленький городишко, окруженный холмами. С крошечной центральной площадью, которую едва можно было разглядеть в скупом свете единственного фонаря. Жмущиеся друг к другу домики под одинаковыми покатыми крышами. Недружелюбного вида магазины с выключенными на ночь вывесками. Взглянув на часы, Майя поняла, что ночь начинается в Хельме рано – в девятом часу на улицах уже не было ни души.

– Ничего, – словно угадав ее мысли, сказала Лада, – летом здесь светлее. Да и народу побольше. Я бы не предложила тебе это место, если бы мне самой оно не нравилось. Но мне повезло найти работу в том же городе, что и Эд, так что теперь мы наконец-то съедемся. За столько времени я успела привязаться к доктору Штерну, он хороший человек, и мне не хотелось бы, чтобы меня сменил кто-то «с улицы».

– Меня смущает, что я почти не говорю на местном наречии, – напомнила Майя, втайне завидуя подруге, которая

владела им практически в совершенстве. Майя же вполне сносно говорила на нейтральном наречии, а местное учила чуть больше года.

– Доктор Штерн об этом знает, – заверила Лада, – он сказал, что наречия – дело наживное. Главное, чтобы человек был хороший.

Тем временем автомобиль выехал на улицу, где дома были посолиднее и стояли подальше друг от друга. У одного из них Лада остановилась. Майя вытащила чемодан и осмотрелась, пока ее подруга парковала машину. Извилистая улочка заканчивалась небольшой церковью с одной стороны и очередным неприветливым магазином с другой. До остановки автобуса было и правда рукой подать. Тем не менее, Майе вдруг захотелось оказаться подальше от этого места.

Доктор Штерн

Майя покорно последовала за подругой в дом, катя за собой подпрыгивающий на неровной дорожке чемодан. Лада повернула ключ в замке, и девушки оказались в небольшой, освещенной неярким светильником прихожей. Вдоль стен тянулись стеллажи с книгами, под вешалкой у двери стояла удобная банкетка.

Из гостиной на инвалидном кресле выехал хозяин дома и радушно приветствовал Майю. Он был пожилой и очень полный, с узкими плечами, так что казалось, что его тело вообще лишено костей и занимает все доступное пространство, подобно жидкому тесту или подтаявшему мороженому. Это

впечатление не пропало, даже когда Майя жала ему руку. Лицо у доктора было приятное, с внимательными глазами за толстыми линзами очков и пышными седыми усами. Голос его был низкий и громкий и гудел, словно колокол.

Лада помогла Майе затащить чемодан на второй этаж.

– Вот и моя комната, которая, надеюсь, скоро станет твоей, – объявила она, открывая дверь.

Обои в цветочек, большой шкаф, светлый стол, кровать с прикроватным столиком, ковёр на полу и даже кресло – Майя улыбнулась:

– Здесь очень уютно.

– Я тоже так думаю, – согласилась Лада. – Направо по коридору ванная. Ею больше никто в доме не пользуется, так что считай, что персональная. Внизу спальня доктора Штерна, рабочий кабинет и кухня. Готовит нам одна местная фрин, еще она ходит за продуктами и убирается. Иногда по выходным я ей помогаю. Но это скорее исключение, я часто в разъездах.

Затем Лада спустилась вниз разогреть ужин, а Майя наконец-то смогла переодеться из дорожной одежды во что-то более удобное и соответствующее случаю.

За круглым столом на кухне царил непринужденная обстановка. Доктор Штерн прекрасно говорил на нейтральном наречии, и Майя скоро перестала смущаться. На столе стояло популярное в Алемайне блюдо из картофеля и нечто совсем уж местное, лилового цвета, что она так и не решилась

попробовать.

Доктор Штерн был ученым. Несмотря на возраст, разум его все так же блестяще работал. Он не только публиковал новые исследования, но и получал просьбы об оценке того или иного научного труда, к нему стекались вопросы из лабораторий и институтов по всей стране и даже из-за рубежа. И в такие учреждения предстояло ездить Майе.

Вечер был очень приятным, и желание сбежать из этого города потихоньку пропадало. А когда Майя устроилась под пледом на раздвижном кресле в пока еще ладиной комнате, она подумала, что здесь ей даже нравится.

Ей понравилась и чахлая речка с тремя мостами, на которую они с Ладой набрели на следующий день. Ей понравилась продавщица в магазине, где она успешно купила продукты к обеду, неловко изъясняясь на местном наречии. Ей понравилось, что доктор Штерн зачитывал им с Ладой наиболее интересные моменты из своей диссертации, пока они готовили. И когда огни старенькой Шкоды, увозившей Ладу из Хельма, растворились в сгущающихся сумерках, чувство неясной тревоги вновь охватило Майю, но она только сжала руку в кулак и прошептала: «Мне здесь даже нравится».

Первые несколько дней на новой работе были похожи один на другой. Майя просыпалась в восемь, завтракала одна на кухне и шла в рабочий кабинет. Там у нее был свой стол и компьютер. Майя проверяла почту доктора, отвечала на письма или сначала уточняла некоторые детали у своего на-

чальника. К счастью, большинство корреспонденции велось на нейтральном наречии, а письма на алемайнском приходилось разбирать со словарём.

Доктор обычно приступал к работе очень рано, у него был свой стол, гораздо больше, чем у Майи, заваленный книгами, кипами бумаг и папок. Там также стоял компьютер, а еще песочные часы, метроном и абсолютно бесполезное пресс-папье в форме лошади. Нередко доктор перебирал бумаги в поисках нужного листа, от чего они скользили вниз и, подобно лавине, утаскивали с собой на пол и часы, и метроном, и пресс-папье.

Обед им готовила фрин Шлок, особа не слишком разговорчивая, но вполне дружелюбная. Еду подавали строго в полдень, на вкус Майи – рановато. Но она стала забегать в магазин по соседству и готовить себе полдник. Ужин был в семь. Нередко к ним с доктором за столом присоединялась фрин Шлок, и тогда беседа текла на местном наречии, а Майя молчала и старалась выловить в потоке речи знакомые слова. После ужина доктор отбывал в спальню, фрин уходила к себе домой, а Майя, если погода позволяла, надевала пальто, шляпку и резиновые сапоги и шла прогуляться. После того, как ей несколько раз приходилось подсвечивать себе дорогу телефоном (фонарей в городе было действительно немного), она стала брать с собой фонарик.

Так прошло две недели, а в начале третьей доктор Штерн объявил:

– Вот, Майя, для вас и первая командировка. Недалеко, в Ветерфельд. Отвезите, пожалуйста, завтра эту папку с документами моему коллеге и хорошему другу фрону Нудельсу. Передайте, пожалуйста, лично в руки.

Майя кивнула и принялась писать письмо этому фрону, чтобы договориться о встрече. Также она заказала себе билеты в Ветерфельд.

– Всего-то одна пересадка, – обрадовалась Майя.

– И от вокзала недалеко, – добавил доктор.

Ветерфельд

Утром Майя встала пораньше, позавтракала, надела пальто, шляпку и сапожки на невысоком каблуке, повесила на плечо увесистую сумку, в которой помимо папки с документами для фрона Нудельса лежали документы, билеты, зонтик, бутылка с водой, кошелёк, блокнот, ручка, бутерброд в целлофановом пакете, книжка в дорогу, таблетки от укачивания, пакет салфеток и забытый шоколадный батончик.

Она поспешила на остановку. Утро было сырое и промозглое, от земли поднимался туман. Майя подпрыгивала от холода на остановке, когда наконец-то показались огни запоздавшего автобуса. Она показала водителю проездной, прошла в салон и устроилась на сидении.

Дорога до Ветерфельда тянулась долго. В поезде Майя скучала, читала книжку и дремала. Состав прибыл на главный вокзал Ветерфельда около полудня. Она вышла на станцию и тут же схватилась одной рукой за шляпку, а второй –

за сумку. В Ветерфельде было ветрено. Настолько ветрено, что развевающиеся на здании вокзала флаги хлопали, как пушки. Птицы в небе выбивались из сил, сопротивляясь потокам воздуха, а ветряки, виднеющиеся в отдалении, вращались так, что лопастей не было видно.

Майя была родом из Страны невосходящего солнца и любила местные мягкие зимы и ранние вёсны, ей нравился непривычный туман, окутывавший поля таинственной дымкой. Но ветер она терпеть не могла. В ветреную погоду ей казалось, что вместо головы у неё на плечах выросстал кочан капусты, не способный соображать. Так же она почувствовала себя и сейчас. Но как бы то ни было, папку надо было отдать. И Майя пошла, передвигаясь иногда боком, иногда прыжками. Она постоянно сверялась с картой, чтобы не заблудиться. Ветер рвал листок из рук и мешал сосредоточиться. Наконец, она достала из сумки потрёпанный зонтик, надеясь, что его купол хотя бы частично защитит от ветра. Но стоило открыть зонт, как ветер усилился и поднял Майю в воздух. Вцепившись в ручку, она беспорядочно перебирала ногами в воздухе, пока ветер мягко не опустил её прямо в центр клумбы. Весна только начинала вступать в свои права, и, к счастью, на клумбе ещё ничего не цвело. Майя огляделась, но оказалось, что это из ряда вон выходящее происшествие не привлекло ничьего внимания. Более того, жители Ветерфельда сами передвигались именно таким способом. У всех были большие зонты, гораздо больше, чем у Майи, они под-

прыгивали вверх и перепархивали с места на место, ловко меняя положение зонта, чтобы двигаться в нужном направлении, и быстро перебирая ногами для скорости. Майя наблюдала за ними и решила, что это неплохой способ. Она еще раз сверилась с картой, прицелилась к другой клумбе метрах в пяти от себя и подпрыгнула...

Вскоре она уже неплохо освоила новый метод передвижения, хотя с направлением еще были осечки. Тем не менее, уже через четверть часа она добралась до нужного здания. Но ветер словно выдул из Майи любую способность к действию. Она сложила зонтик и теперь покачивалась на ветру и пыталась вспомнить, что же ей нужно сделать.

Наконец, она сообразила, что надо войти внутрь, но каждый шаг давался ей с трудом, словно к ногам, которые недавно так легко порхали над землёй, привязали пудовые гири.

В здании ей стало немного лучше, но и здесь все форточки были распахнуты настежь, и по длинному холлу гулял сквозняк. Майя очень медленно, словно нехотя, подошла к регистратору и на очень плохом местном наречии спросила, где она может найти фрона Нудельса. Регистратор также медленно повернулся, как будто они были в наполненном аквариуме, и ему приходилось преодолевать сопротивление воды, назвал, а затем и записал нужный этаж и номер кабинета. Майя так же медленно прошла к лифту, но в закрытой кабине ей сразу стало легче. Она абсолютно не помнила, что сказал ей регистратор, так что бумажка оказалась весьма кстати.

Стараясь не растерять внезапной бодрости, она трусцой пробежалась до кабинета. Фрон Нудельс был несколько моложе доктора Штерна и худ, как макаронина или нитка бахромы. Ветер задувал в открытые окна кабинета, занавески отчаянно колыхались, но остальные предметы были тщательно закреплены, даже бумаги на столе были приколоты кнопками. Фрон Нудельс раскрыл папку, пробежал взглядом бумаги и удовлетворённо хмыкнул. Затем он открыл ящик стола и выудил оттуда папку еще более тяжелую, чем привезла Майя.

– А вот это, фрин, я прошу передать доктору Штерну. Кстати, не хотите ли вы пообедать? Вы, должно быть, проголодались с дороги, а у нас отличная столовая.

Майя с радостью согласилась. Столовая действительно оказалась хорошей и недорогой. Фрон Нудельс рассказывал про свои исследования, но вскоре над их столиком повисла пауза, которая нередко возникает между двумя людьми, которые понятия не имеют, о чём разговаривать с собеседником.

– Кажется, вы из Страны невосходящего солнца, – нарушил молчание фронт Нудельс.

– Да, – кивнула Майя, внутренне готовясь к худшему.

– А правда, что на вашей родине солнце вообще не восходит?

Худшее произошло, и Майя принялась объяснять, на её взгляд, очевидное:

– Ну, это не совсем так. Оно, конечно, восходит, но не всегда. У нас есть города, где оно вообще не заходит, светит круглые сутки. А есть, где появляется всего на пару дней в году. Там, откуда я родом, солнце может не показываться долгие месяцы, а потом не заходить несколько недель подряд. В общем, всё относительно...

– Гм, – глубокомысленно сказал фрон Нудельс и сделал вид, что его что-то заинтересовало в тарелке супа. К счастью, обед скоро закончился, и Майя заторопилась обратно.

Дорога до вокзала заняла у неё меньше времени, так как теперь она гораздо лучше управлялась с зонтом. Устроившись на сидении у окна, Майя в ожидании отправления поезда смотрела на станцию и на снующих туда-сюда людей с зонтами под мышкой. Даже у полицейских были свои чёрные форменные зонты с красной каёмкой. Но внезапно глаз Майи выхватил группу людей, у которых не было зонтов, также у них не было ничего отличительного – взгляд скользил по серым костюмам и не мог ни за что зацепиться. Но самое удивительное – на их лицах не было никакого выражения. И никакой индивидуальности. Хотя они не были близнецами, Майя не могла понять, есть ли среди них женщины, пофантазировать, кто из них серьезен по жизни, а кто балагур. Ей стало не по себе, и она перестала на них смотреть. А когда она снова украдкой взглянула, там уже никого не было.

Квадратный город

Спустя примерно неделю, доктор Штерн вновь передал

Майе папку с исследованием.

– Вам предстоит навестить моего друга в Квадратном городе, – сказал он. – Как-никак, бывшая столица. Думаю, вам будет интересно хоть ненадолго выбраться из нашей глуши. Так что можете не спешить, если хотите, оставайтесь там на ночь и возвращайтесь на следующий день. Фрин Лада не упускала возможности походить по магазинам.

Майя проверила расписание поездов и всё же отказалась:

– Вечером идёт удобный прямой поезд, не хотелось бы его пропустить.

Как ни любила Майя Алемайн с его живописными и такими непохожими друг на друга городками, Квадратштадт ей не нравился. Он был слишком большим (ещё бы, второй по величине и первый по количеству жителей в стране), слишком шумным, да и глазу отдохнуть было не на чем – одни современные здания кубической формы с одинаковыми фасадами. Хотя постройки отличались по размеру и цвету, расставлены и раскрашены они были довольно безвкусно и неожиданно. Ряды серых построек вдруг прерывал ярко-оранжевый куб, а кубы синего и зелёного цветов соседствовали с кричащими полосатыми, клетчатыми или даже в розовый горошек. Улицы в городе были прямыми, как по линейке, и пересекались строго под прямым углом. Из-за большого транспортного потока зелени в городе почти не было, а немногие чахлые деревья и кусты были подстрижены в форме куба. Угнетающее зрелище.

На следующий день Майя надела пальто, шляпку и сапожки, закинула на плечо тяжёлую сумку и отправилась в путь. Дорога прошла без приключений, но не успела она выйти из здания вокзала, как на неё сразу обрушились шум и суета большого города. Майя изучала карту, пытаясь сориентироваться, но при этом ей приходилось постоянно уворачиваться от людей, которые шли буквально во всех направлениях. Ее толкали, отпихивали, двигали с дороги, при этом толпа вдруг словно обрела единый голос: «Что? Что? Что такое? Почему эта фрин стоит столбом и мешает нам идти? Нельзя просто так стоять на дороге. Что такое? Почему? Почему?!»

Майе захотелось закрыть уши руками, но от неё ждали ответа. Хуже всего было то, что обращались к ней на местном наречии, и понимала она не всё.

– Мне нужно, – наконец осмелилась она сказать, но тут же замолчала. Люди всё так же проходили мимо, всё так же толкали её, на смену одним лицам постоянно приходили другие, но это не мешало толпе дружно подхватить:

– Юной фрин что-то нужно, вы слышали? Слышали? Что тебе нужно, юная фрин, скажи, не стой столбом на дороге!

– Как мне попасть на улицу Коха-и-Нора?

– Слышали? Ей надо на улицу Коха-и-Нора! Вы слышали? Это просто! Это быстро! Это недалеко! Сядь на трамвай! Тебе нужен автобус. Всего пять станций метро. Это быстро! Не стой же столбом! Улица Коха-и-Нора!

Майя еле разбирала слова. Наконец, она увидела автобус-

ную остановку и бросилась туда. Толпа сразу потеряла к ней интерес, едва она сама стала частью столпотворения.

На остановке Майя отдышалась. Ей стало так жарко, что она даже сняла шляпку. Затем она нашла в расписании нужный номер, купила в автомате билет – и ее внесло в открытые двери автобуса вместе с людской массой. Майя оказалась в самом центре, она повисла одной рукой на поручне и отчаянно балансировала в трясущемся транспорте. Каким-то чудом ей удалось не пропустить свою остановку и даже пробраться через пассажиров к выходу. На улице она двинулась вдоль постепенно увеличивающихся в размере кубов, пока не добралась до самого высокого из них, чёрного цвета в мелкую жёлтую полоску. Его она и искала.

На стойке регистрации была очередь. Пять-шесть человек, такие же посыльные, как и Майя, уже были там. Кажется, всем надо было к разным людям.

– Извините, – сказала с виноватым видом секретарь, – но у нас идёт проверка.

К ожидающим вышли несколько полицейских в чёрной форме с красной окантовкой, а за ними – отчего Майя вздрогнула – трое серых типов, совсем как те, которых она видела на вокзале. Она пожалела, что не расспросила о них доктора Штерна, когда у неё была возможность.

Извиняясь, полицейские попросили посыльных показать бумаги, которые те принесли. Двое начали возмущаться, но Майя, как и большинство, молча достала из сумки папку.

Один из полицейских быстро пролистал страницы, украдкой поморщился, когда за его плечом замаячил «серый», так же пристально вглядываясь в бумаги. Майе стало страшно. Она знала, что все документы связаны с научными исследованиями, но вдруг она действительно везёт что-то запрещённое, о чём её не предупредил доктор Штерн? Но, судя по всему, это было не так. Ни «серый», ни полицейский не нашли того, что искали, и вернули бумаги. Майе разрешили подняться на нужный этаж к фрону Бронну. И когда она с несколькими товарищами по несчастью садилась в лифт, из холла слышались шум и крики. Очевидно, «серые» что-то обнаружили. Но здесь двери лифта закрылись.

Кабинет фрона Бронна был таким же кубическим, как и всё здание. Растерявшись, Майя поздоровалась на местном наречии, из-за чего фрон также начал разговор на алемайнском, и Майе пришлось извиняться и просить перейти на нейтральное наречие.

Фрон Бронн поинтересовался, откуда она родом и, узнав, что из Страны невосходящего солнца, сообщил, что когда-то учил родное наречие Майи в школе, и даже вспомнил пару фраз.

– Всегда мечтал побывать там, но не сложилось... А правда, что солнце там никогда не восходит?

– Не совсем, – пустилась в объяснения Майя. – Оно, конечно, восходит, но не всегда. У нас есть города, где оно вообще не заходит, светит круглые сутки. А есть, где появля-

ется всего на пару дней в году. Там, откуда я родом, солнце может не показываться долгие месяцы, а потом не заходить несколько недель подряд. В общем, всё относительно...

Она с сожалением отметила, что собеседник был потерян по дороге.

– Ладно. Передавайте привет доктору Штерну. Я ему ещё напишу на этой неделе.

У Майи оставалось время до отхода поезда. Вспомнив совет доктора, она забрела в торговый центр, но даже бродя по одинаково квадратным отделам, она всё никак не могла выбросить из головы неприятный эпизод с полицией. За всё время пребывания в Алемайне ей не доводилось видеть «серых». Судя по реакции окружающих, они не были чем-то новым, но как-то ускользали от её внимания раньше. А теперь вдруг появились. Чтобы поднять себе настроение, Майя приобрела тёплый шарфик и завернула в кофейню. «Серые» в тот день ей больше не встретились.

Но едва она переступила порог дома доктора Штерна, как сразу направилась к нему в кабинет. Она передала привет от фрона Бронна и перешла к тому, что больше всего её интересовало – эпизоду с полицией.

Доктор нахмурился.

– Вы спрашиваете, кто эти серые безликие люди? Особая охранная служба. Или пыль.

– Кто? – не поняла Майя.

– Они стремятся к порядку, к абсолютному порядку. И

стараятся убрать с дороги всех, кто мешает им достичь этой цели.

– В свободном государстве? – недоверчиво уточнила Майя.

Доктор не ответил, только сжал губы.

– А что значит пыль? – задала она еще один вопрос.

– Пыль – это их идеал. Тишина и покой, ничего нового, ничего опасного, ничего интересного. Но ты их не бойся. В моих исследованиях нет ничего противозаконного. Другое дело, что и у того человека, которого они задержали, тоже наверняка не было. Они весьма избирательны. Невозможно предсказать, за что они зацепятся в следующий раз.

– Значит, такая возможность всё-таки есть...

– Такая возможность есть всегда, – вздохнул доктор. Он помолчал, собираясь с мыслями. – Видишь ли, мы неугомонные исследователи и этим мешаем им. И ещё мы знаем, что они пыль. И рассказываем об этом остальным. Так что, фрин Майя, если они вас остановят, постарайтесь не говорить, что работаете на меня. По крайней мере, не сразу.

– Конечно, доктор Штерн, – глаза Майи напоминали два больших алейских пятка. – Но я не такая уж и смелая.

– А Лада вам ничего не рассказывала?

– Нет, она ничего не говорила мне про... пыль.

– В самом деле? – заулыбался доктор Штерн. – И о том, как она сбежала из одного университета, спустившись по водосточной трубе? И о том, как за ней гналась целая деревня

с лопатами и вилами наперевес? И о том, как она догоняла экспресс, в котором ехали негодяи, на своей Шкоде?

Неверящее лицо Майи было красноречивее любых слов. Доктор Штерн подался вперед и ободряюще похлопал Майю по руке:

– Ничего такого от вас и не требуется. Вывести из себя целую деревню – это перебор, как считаете? Но вот с пылью постарайтесь держать ухо востро.

Горный город

Больше недели доктор Штерн и Майя переписывались с профессором Зальцартом из университета города Берх. Майя отправляла бесконечные электронные версии одного из исследований доктора, но профессор пересылал их обратно с длиннющим списком подробнейших вопросов и уточнений. Наконец, профессор остался доволен результатом их, как он выразился, совместной работы и запросил бумажный вариант.

– Это уж совсем наглость, – не выдержала Майя. – Может быть, лучше заказать для него принтер?

– И пачку бумаги в придачу, – вздохнул доктор Штерн, которого эта переписка порядком утомила. – Только пусть уточнит, какую он предпочитает плотность и какой оттенок белого. Но ничего не поделаешь. Я все-таки попрошу вас, фрин Майя, съездить в Берх и отвезти моё исследование профессору Зальцарту.

Майя открыла Интернет-карту и нахмурилась. Берх нахо-

дился на самом севере Алемайна, и ехать до него было долго. Доктор Штерн тут же посоветовал ей остановиться в городе на ночь, чтобы утром со свежими силами возвращаться в Хельм. На том и порешили.

Майя любила природу Алемайна, широкие неспешные реки и мелкие торопливые речушки, изумрудные луга и сказочные леса... Но вот к горам она относилась сдержанно. Она знала, что когда оказываешься в горах, то расстояния измеряются не столько дальностью, сколько высотой, и тратить лишние усилия, чтобы навестить не слишком приятного профессора, абсолютно не хотелось. Но делать было нечего, и на следующее утро она заботливо уложила в сумку исследование доктора почти на сотню страниц и отправилась в Берх.

Майя заранее договорилась с профессором, что зайдёт к нему в университет вечером, с вокзала. Её поезд сильно опаздывал, поэтому, когда она наконец-то прибыла в город, воздух начал сгущаться в сумерки, а солнце уже садилось за склон. Последний час в поезде Майя изучала по карте дорогу до университета, так что она быстро сориентировалась и отправилась в путь. С погодой ей повезло. Вечер был тихий и безветренный, хотя и хранил в себе едва ощутимое дыхание недавней зимы. Поначалу Майя даже поёживалась, но вскоре согрелась от быстрой ходьбы. Она шагала по довольно широкой улице, которая постоянно то шла вверх под сильным уклоном, то внезапно срывалась вниз, так что каблук почти

скользили по асфальту. При этом немногочисленные прохожие, казалось, не испытывали никаких неудобств.

Сверившись с картой, Майя свернула на узкую улочку, с неудовольствием отметив, что она не только петляет, но и поднимается под всё увеличивающимся углом. Девушка начала уставать. Шляпка и шарф давно лежали в сумке. Каждый шаг давался ей всё труднее, она вспотела и запыхалась, волосы растрепались. Наконец, поворот – и Майя оказалась перед зданием университета. Во дворе прямо на тротуаре сидело несколько студентов. Ребята что-то с жаром обсуждали, прихлёбывая из бутылок пиво. На фасаде университета красовались огромные часы, они шли, но показывали неправильное время.

Майя вошла в здание и оказалась в полуосвещённом холле. Все аудитории были закрыты, но из-под нескольких дверей лился электрический свет – там ещё шли занятия. Однако университет всё равно казался пустым. Майя поднялась по лестнице в поисках кабинета профессора Зальцарта. Она довольно быстро его нашла, но дверь была заперта на ключ. Как и все остальные. Этаж, казалось, вымер. И когда Майя совсем отчаялась, сзади послышались шаги.

– Я могу вам помочь? – раздался мелодичный голос. Обернувшись, Майя увидела перед собой невысокую приятную женщину.

– Да, пожалуйста, – подхватила Майя на местном наречии. – Я ищу профессора Зальцарта. Мы договорились

встретиться сегодня вечером, но мой поезд опоздал. Из-за чего я пришла позже, – Майя посмотрела на часы, – на двадцать минут.

– Но профессор уже ушёл! – воскликнула женщина.

– Как мне быть? – Майя забеспокоилась: её поезд отходил рано утром, так что у неё не было времени возвращаться сюда. Можно было оставить папку этой женщине, но доктор Штерн всегда просил передавать документы лично в руки. Увидев её замешательство, женщина быстро заговорила на местном наречии. Майя поняла только, что её просят подождать. Женщина открыла одну из дверей и скрылась в кабинете, а через минуту уже вручала Майе бумажку с домашним адресом профессора.

– Здесь недалеко, – улыбнулась женщина. Майя от души поблагодарила её и направилась к выходу. На улице она села на тротуар подальше от студентов и принялась изучать карту. Что ж, дом профессора был действительно недалеко.

Однако на практике оказалось, что дом профессора Зальцарта был высоко. И минут через десять Майя снова запыхалась и выбилась из сил. Дорога, превратившаяся из асфальтовой в грунтовку среди скал, упрямо шла вверх. Майя проходила один дом за другим, но её цель была ещё дальше, ещё выше. «Интересно, как местные жители добираются сюда с покупками?» – думала она, утирая со лба пот. Перед глазами плыло, дыхание сбилось, но она всё шла и шла, пока не споткнулась на ровном месте и не села тут же на дорогу, при-

слонившись спиной к холодной горной породе.

Смеркалось. Звуки города доносились снизу, как сквозь плотную пелену. Майя достала из сумки бутылку с водой. От воды в голове немного прояснилось, но сил идти дальше не было. Серые сумерки окрасили в серый, пыльный цвет остальной мир. Внезапно посерели дорога, небо, дома, даже зелёный плющ словно пожух в этом странном освещении. Майе стало тревожно и грустно. Ей показалось, что она никогда не достигнет цели...

Вдруг она увидела вдалеке ярко-красное пятно, которое по мере приближения оказалось платком на голове женщины. Сама женщина была одета в тёмную куртку, почти сливающуюся с дорогой, но её яркий платок привлекал к себе глаз. Когда она прошла мимо, даже не посмотрев на Майю, девушка заставила себя подняться и последовать за платком. Она просто шла, не чувствуя под собой ног, не ощущая тяжести сумки, стараясь не отстать от полыхающего красного пятна. Но вот женщина остановилась у одного из домов, достала ключи и принялась открывать ворота. А Майя вдруг очнулась – мир снова стал цветным, она ощутила холодное прикосновение ветра и боль в мышцах ног и спины. Но главное – она увидела дом профессора Зальцарта выше по дороге. Последнее усилие – и Майя звонит в звонок.

Профессор Зальцарт оказался невысоким, худым человечком с седыми волосами до плеч и пронзительным взглядом светлых глаз. Однако несмотря на сказочную внешность,

Майе он не понравился. Они обменялись парой вежливых фраз на алемайнском, Майя отдала ему папку, а профессор вынес тонкий продолговатый конверт для доктора Штерна и даже не предложил ей зайти в дом. Она убрала конверт в сумку и зашагала по дороге наконец-то вниз, мечтая добраться до гостиницы.

Когда вечером следующего дня она передала доктору Штерну конверт, тот аккуратно его открыл, бережно достал написанное на нескольких страницах письмо и перечитал его несколько раз.

– Что ж, – сказал он с довольной улыбкой под густыми усами, – кажется, мы с вами сделали хорошее дело, фрин Майя.

Майя вопросительно посмотрела на него, но доктор отвёл взгляд и ничего не объяснил.

Карнавальный город

Майя не знала, какое доброе дело они с доктором Штерном совершили в Берхе, но что-то изменилось. И изменения, на её вкус, были не в лучшую сторону. Пыли словно прибавилось. Она часто видела безликих людей в сером на вокзалах и улицах городов, в которые ездила по делам доктора. Они наблюдали, но никакого интереса к Майе не проявляли – и на том спасибо.

Как-то раз доктор Штерн попросил Майю отвезти очередную папку с научной работой своему коллеге в весёлый город Нивал во время их очередного карнавала.

Майя с опаской относилась к любимым массовым мероприятиям, но доктор, наоборот, был доволен, что его помощница сможет немного развеяться. И Майя поехала, хотя в глубине души испытывала смутное беспокойство. Её беспокойство оправдалось практически сразу – на одной из станций в поезд вошли «серые» и начали проверять документы у пассажиров. Пассажиры возмущались, говорили о своих правах, но в итоге покорно доставали идентификационные карточки. «Серые» же были строги, но вполне доброжелательны. Скрепя сердце, Майя полезла в сумку за документом, вспоминая слова Штерна о том, что ей лучше не говорить, где она работает. К счастью, в канцелярии Хельма местные власти в лице худосочной женщины с короткой стрижкой и затейливым маникюром, просто наклеили скотчем бумажку с новым адресом поверх старого на карточке. И сейчас Майя старательно отрывала скотч от пластика, надеясь, что этого не заметят ни пыль, ни пассажир в соседнем кресле. И ей всё удалось. «Серый» равнодушно пробежал глазами по её документу и тут же вернул. Студентка из столицы его не интересовала. Без дальнейших происшествий Майя доехала до Нивала. Но на сердце было неспокойно.

В задумчивости она вышла на привокзальную площадь и удивлённо осмотрелась. Всё пространство было заполнено людьми, так что яблоку было негде упасть. В центре площади стояла огромная платформа, с которой играла и пела какая-то местная не слишком мелодичная группа. Толпа

была разношёрстная, здесь были люди всех возрастов, многие – в карнавальных костюмах, с разрисованными лицами. Они двигались под музыку, сидели на корточках, пели, разговаривали, пили пиво, смеялись, выкрикивали политические лозунги, устраивали потасовки, бросались конфетами и конфетти, а вокруг носились наряженные дети.

Майя с трудом выбралась с площади на улицу, но и здесь было не лучше. По проезжей части ехали платформы с ряжеными и музыкой, а по обеим сторонам тротуара неспешно продвигалась вперед толпа. Из-за спин она даже не могла хорошенько разглядеть платформы. Поток людей то и дело останавливался, а невысокой Майе только и оставалось, что смотреть себе под ноги. Асфальт был измазан красками – розовой, голубой, жёлтой, усыпан конфетти и лентами, под каблуком то и дело хрустели конфеты. Что еще хуже, на земле также валялись обрывки бумаги, пластиковые стаканы, фантики, обёртки, бутылки и прочий мусор. Майя медленно-медленно продвигалась вперёд вместе с толпой, пока не свернула в первый же переулок, в котором практически никого не оказалось. Она достала телефон и открыла приложение с картой Нивала. Теперь она лавировала по переулкам, старательно избегая переполненных главных улиц, пока наконец не вынырнула из темноты переулка на ярко освещённую центральную площадь, тоже забитую народом и с очередной платформой по центру, на сей раз без артистов – весёлая музыка доносилась из колонок. Майе нужно было

сесть на трамвай до университета, но движение было перекрыто и здесь.

– Юная фрин, – обратился к ней один из прохожих, видя её замешательство, – вам нужно пройти лишь одну остановку и сесть на автобус, который идёт по тому же маршруту.

Прохожий говорил на алемайнском наречии, но медленно и вполне разборчиво. Майя поблагодарила его за помощь, в то же время с удивлением отметив, что на нём был серый костюм. Его лицо, хотя и лишённое индивидуальности, выражало явную досаду. Пыль не любила хаос, а карнавал, ещё и в будний день, не был ничем иным.

Указанный автобус подошёл быстро, но Майе пришлось прикладывать все усилия, чтобы не захихикать, глядя на пассажиров. Часть из них выглядела вполне буднично, некоторые были в костюмах. Однако веселее всего было смотреть на тех, кто выбрал нечто среднее – пожилая пара в обычной одежде и невообразимых зелёных цилиндрах, серьёзный мужчина в ободке с глазками на пружинках, женщина с мигающей сигнализацией в качестве заколки. При этом выглядели все так, словно ничего не происходит, никто не глазел и не смеялся.

Автобус остановился напротив университета. На кампусе было оживлённо: студенты под громкую музыку жарили сосиски, пели песни, играли в волейбол. Майя подивилась, как можно работать в такой атмосфере.

Она поспешно вошла в здание университета и отправи-

лась на поиски нужного кабинета. Майя постучалась, открыла дверь и отшатнулась – фрон Мон был сморщенным старичком в чёрном костюме в ёлочку, безукоризненной белой рубашке, при галстукe и высокой шляпе едко-розового цвета на голове.

– Извините, что я в головном уборе, – заговорил он хриплым старческим голосом на нейтральном наречии, – но праздник обязывает. Заходите.

– Ничего страшного, – сказала Майя. Окна кабинета фрона Мона были закрыты, но это не спасало от шума с улицы. Фрон с серьёзным видом открыл привезённую ему папку и погрузился в чтение, отмечая карандашом некоторые места в тексте. Время от времени он вспоминал, что напротив него сидит Майя, и говорил какие-то незначащие вежливые фразы.

– Погода нынче хорошая, совсем весна. Вы можете принять солнечную ванну, ведь в Стране невосходящего солнца у вас нет такой возможности.

Майя открыла было рот, чтобы возразить, но махнула рукой и снова стала смотреть на стол перед собой. Наконец, фрон оторвался от бумаг и взялся за заранее приготовленную папку. Он открыл её, черкнул несколько строк на первой странице и передал Майе – для доктора Штерна.

Она зашла пообедать в студенческую столовую. Так как она сама недавно была студенткой, то больших надежд на местную еду не возлагала – зато и не разочаровалась.

Когда Майя собралась в обратный путь, основные празднества в Нивале завершились. Дорога была всё также перекрыта, но толпа рассеялась, и можно было спокойно пройти пешком по центральным улицам. Под ногами хрустели конфеты, шуршали фантики, звенели осколки. Майе казалось, что случилась какая-то катастрофа, из-за которой город пришёл в такое состояние. Но причиной хаоса был праздник, который, к счастью, закончился.

На привокзальной площади остатки толпы слушали зажигательные песни с платформы. Майя случайно наступила на пластиковый стаканчик, вздрогнула от неожиданности и пнула его подальше. У дверей вокзала стояли «серые», человек шесть выстроились в ряд и наблюдали за площадью с весьма кислыми минами. Они посторонились, когда Майя проходила мимо них в здание.

Только вернувшись в Хельм она снова наклеила бумажку с адресом на свою идентификационную карточку. Она рассказала о проверке в поезде доктору Штерну, и тот нахмурился:

– Что-то здесь не так. Никогда ещё пыль не вела себя так нагло. Мы им не враги, фрин Майя, но мне это совсем не нравится.

Шталь

Недели три доктор Штерн и Майя мирно работали в Хельме. Они отправили множество писем, получили по почте несколько научных работ, даже назначили две-три встре-

чи, которые впоследствии отменились по разным причинам. Один раз дом доктора Штерна посетил такой же посыльный, как и Майя. Это был молодой человек с широкой улыбкой, говоривший исключительно на местном наречии. Доктор пригласил его пообедать, и Майя в который раз чувствовала себя лишней за столом, прислушиваясь к беседе на незнакомом языке. Хорошо, хотя бы жаркое удалось на славу. Вечером фрон Роберт уехал на своём автомобильчике, а доктор Штерн взялся за привезённые ему бумаги. Читая, он качал головой, вычёркивал целые абзацы и делал подробные заметки на полях.

Через пару дней, когда исследование было отредактировано по вкусу доктора Штерна, он попросил Майю отвезти бумаги в Шталь своему хорошему другу фрону Шедлиху. Майя с радостью поехала. Она не была в этом городе раньше, но читала много интересного о его архитектуре.

До Шталя она добралась без происшествий, поезда не опаздывали, и даже «серые» ей не встретились. Когда Майя вышла из здания вокзала, то застыла в восхищении – весь город представлял собой средневековую крепость, обнесённую высокой каменной стеной. Майя перед поездкой прочитала, что в городе всего пять туннелей, по которым его можно покинуть – железнодорожный, два автомобильных и два пешеходных. И жителям этого вполне хватало. Тут и там возвышались зубчатые башенки, остроконечные крыши, шпили и колокольни. И всё это было выдержано в едином сти-

ле и прекрасно сохранилось со стародавних времён, включая брусчатку под ногами.

Красота красотой, а для ходьбы мостовая была мало пригодна. Майя с завистью смотрела на кроссовки, в которых расхаживали жители города, и старалась не подвернуть ногу в своих сапожках на небольшом, но таком ощутимом здесь каблуке.

Вскоре она поняла, что здания здесь похожи друг на друга, как две капли воды. Указатели с названиями улиц были набраны таким вычурным шрифтом, что Майе приходилось подходить к ним вплотную и разбирать по несколько минут. Она долго плутала в лабиринте одинаковых каменных зданий, и, хотя могла позвонить фрону Шедлиху и уточнить направление, просто не видела никаких ориентиров, чтобы объяснить ему, где она находится. И когда Майя совсем отчаялась и заблудилась, она внезапно оказалась прямо перед дверью нужного ей дома. Ей открыл Роберт. Он всё также широко улыбался, но теперь на его лице отражалась какая-то растерянность. Юноша проводил её в кабинет фрона Шедлиха, а сам ушёл.

– Добрый день, фрин Майя, – поднялся ей навстречу фрон Шедлих. Он крепко пожал ей руку. – Вы опоздали на девятнадцать минут, – он говорил на нейтральном наречии очень чётко и правильно артикулируя.

– Я заблудилась, – смутилась Майя. Она вытащила из сумки папку с бумагами и передала её Шедлиху. Тот открыл ис-

следование, вчитался и удовлетворённо закивал. Затем он поинтересовался:

– Штерн говорил, что вы приехали из Страны невосходящего солнца. Вам очень некомфортно от того, сколько солнечного света в Алемайне?

– Вообще-то, – начала Майя, – не совсем верно считать, что солнце над нашей страной не восходит. Оно, конечно, восходит, но не всегда. У нас есть города, где оно вообще не заходит, светит круглые сутки. А есть, где появляется всего на пару дней в году. Там, откуда я родом, солнце может не показываться долгие месяцы, а потом не заходить несколько недель подряд. В общем, всё относительно...

Как всегда, её собеседник предпочёл сделать вид, что всё понял, но ужасно занят. Фрон Шедлих быстро попрощался с Майей и ничего не передал для доктора Штерна.

– Попросите Роберта отвезти вас на вокзал, а то снова заблудитесь и опоздаете на поезд, – добавил он.

Шедлих снова зарылся в бумаги, а Майя отправилась искать Роберта. Вскоре молодые люди ехали в автомобиле к вокзалу. Как оказалось, фрон всё-таки говорил на нейтральном наречии, довольно сносно, хотя и не безупречно. И после непродолжительной беседы о всяких пустяках, Роберт рассказал о том, что его беспокоило:

– В последнюю неделю старина Шедлих сам не свой. Раньше он всегда шутил. Любил поесть, подремать после обеда. А теперь только сидит в кабинете и работает. Даже вас не

пригласил выпить с нами кофе. Нездоров он что ли...

Что-то не так было с фронтом Шедлихом. А потом Майя поняла, что не может вспомнить его лица... Она лишь сочувственно похлопала Роберта по плечу, когда они прощались перед зданием вокзала, и поспешила на поезд. И хотя вернулась она поздно вечером, когда доктор Штерн уже удалился к себе, но решила не откладывать разговор на завтра и постучала в дверь спальни доктора. Открыли ей не сразу. Очевидно, доктор Штерн уже лёг, и ему нужно было время, чтобы переместить массивное тело с кровати в инвалидное кресло. Открыв дверь, он сразу понял, что что-то произошло и предложил ассистентке пойти на кухню. Там они сидели за столом, пили поздний кофе, и Майя рассказывала, что фронт Шедлих теперь тоже пыль.

– Простите, доктор, – сказала она, чувствуя, как к горлу подступает комок, – я отдала ему ваше исследование. И только когда Роберт начал говорить о своих подозрениях, я поняла, что с ним действительно было что-то не так. Фронт Шедлих сидел в рубашке, и я совсем не придавала значение тому, что пиджак на стуле – серый.

Доктор Штерн глубоко вздохнул. Было видно, что он сильно расстроен, тем не менее, он пытался подбодрить свою ассистентку:

– Я уже не раз говорил вам, что мы им не враги, – сказал он мягко. – И вы большая молодец, потому что смогли разглядеть то, чего не заметил даже его помощник. Но, боюсь,

что завтра вам снова придётся пуститься в путь. Я напишу письмо прямо сейчас, а вы пока купите билеты в Портсбург.

Приморский город

Всё было неправильно. Майе ещё не приходилось покупать билеты поздно ночью накануне поездки. Такая спешка не была свойственна основательному доктору Штерну. И пока она щёлкала компьютерной мышкой, доктор прямо в халате сидел за своим столом и писал письмо. Затем он аккуратно сложил исписанный листок бумаги, убрал его в конверт, а конверт передал Майе:

– Это для моего хорошего знакомого Густава. Он смотритель маяка.

Доктор Штерн назвал Майе точный адрес, и она, сверившись с картой, обнаружила, что дом фрона Густава действительно располагается на берегу моря.

Покончив с делами, она отправилась спать, а доктор решил задержаться в кабинете. И когда он желал своей ассистентке спокойной ночи, глаза у него были грустные.

Ранним утром Майя уже ехала в поезде, она дремала, откинув голову на мягкий подголовник кресла, а яркое солнце лезло ей в глаза. К счастью, она сидела у прохода, а не у окна, и основные мучения выпали на долю её соседа.

Путь до моря был неблизким. Майя старалась перекусить во время каждой пересадки, так как не успела позавтракать, но потом от кофе и булочек её стало мутить. Она заметила пыль на нескольких станциях, но «серые» просто стоя-

ли и наблюдали. А в Портсбурге их не было видно вовсе, так что Майя расслабилась. У вокзала она села на автобус и доехала до небольшой бухты. Весеннее море было холодным и спокойным, гладким, как зеркало. Оно отражало безоблачное небо, яхты, пришвартованные к берегам и тянущие вверх свои мачты, острокрылых чаек и белый маяк, еле различимый вдаль. Но времени любоваться бухтой не было – Майя поспешила на паром, который отвёз её на другую сторону залива. Волны размеренно бились о борт, а в салоне было тепло и уютно. Она сидела за широким столом и пила зелёный чай. На самом деле, она с удовольствием бы пообедала, но в судовом меню, помимо напитков, были только сладости и закуски.

Майя спустилась с причала, отметив заманчивое кафе неподалёку, и пошла прямо по влажному песку к дому Густава. Теперь она могла хорошо разглядеть маяк. Не слишком высокий, но технологичный, ярко-белый с зелёной крышей и таким же зелёным основанием, он стоял на небольшом острове, метрах в ста от побережья. Честно говоря, она предпочла бы что-то более романтическое.

А вот дом смотрителя оказался живописным кирпичным строением, увитым ползучими растениями – которые пока еще не цвели, и представляли собой целую стену сушняка, – с покатою красной крышей, наличниками и даже флюгером в виде кораблика. От крыльца спускалась дорожка, ведущая к мосткам, где была пришвартована вёсельная лодка.

Смотритель маяка оказался крепким полным мужчиной с красным лицом. Майя почему-то надеялась, что у него будут капитанские усы и борода, однако щёки фрона Густава были гладко выбриты. Тем не менее, он курил трубку – и на том спасибо.

Она поздоровалась на алемайнском наречии и отдала конверт. Тот поблагодарил и добавил что-то ещё, но Майя его совсем не поняла из-за сильного местного говора. Смотритель тут же вскрыл конверт, прочитал письмо, лицо его дрогнуло, и Майя снова почувствовала, что всё идёт как-то неправильно.

– Мне передать что-нибудь доктору Штерну? – спросила она почему-то шёпотом. Фрон Густав покачал головой, протянул ей на прощание руку и крепко пожал.

Майя зашагала по песку обратно. Паром ходил каждые два часа, так что у неё было время, чтобы наконец-то основательно поесть. Она совсем продрогла на берегу, поэтому заказала тарелку густого супу. Вскоре Майя согрелась и насытилась, а супа в тарелке как будто меньше не стало – особенность алемайнской кухни, к которой она всё никак не могла привыкнуть. Она лениво водила ложкой по гуще и смотрела в окно – по поверхности моря скользило несколько парусных лодок. И тут она увидела, что фрон Густав идёт на своей лодке к маяку. Он пришвартовался и начал вытаскивать что-то с кормы и относить на маяк, но со своего места Майя не могла понять, что именно. Сделав несколько ходок, он сел

на вёсла и вернулся на большую землю. Фрон Густав снова и снова возвращался к маяку, разгружал лодку и возвращался обратно. Садясь на паром, Майя в последний раз взглянула на его коренастую фигуру, согнутую под тяжестью ноши.

Путь в обратную сторону был не менее приятным, поднялся ветер, и паром качало на волнах, как на качелях. Сойдя на берег, Майя остановилась, чтобы ещё раз полюбоваться бухтой Портсбурга, в которой теперь отражался пламенеющий оранжево-алый закат. И ей понадобилось совсем немного времени, чтобы понять, что солнце всё ещё высоко стоит над горизонтом, а видит она не закат, а зарево пожара. Горел маяк, казавшийся издали небольшой белой свечой. Майе снова подумалось, что всё, что происходит сегодня, неправильно. Но ей ничего не оставалось, как идти на остановку автобуса. Мимо с громким воем проехал пожарный расчёт. Несколько человек в сером наблюдали за пожаром, не зная, что предпринять. «Наверное, мы проиграли. Только вот и вы опоздали», – равнодушно подумала она, проходя мимо «серых». Почему-то теперь она их совсем не боялась.

Алемайнские маяки горели всю следующую неделю – едва успевали потушить один, как загорался другой, передавая свой последний, ведомый лишь немногим, сигнал. Фрон Нудельс прочел о пожарах в газете. Помедлив, он достал из нижнего ящика стола тонкую папку, подошел к окну и выпустил на ветер несколько листов, что до этого бережно там хранились. Фрон Бронн из Квадратштадта лишь оторвался

от текста, удалил четыре файла на своем компьютере и продолжил чтение. Профессор Зальцарт узнал, что загорелся их маяк на реке Берх и написал заявление на отпуск. В глубине души он был доволен. Фрон Мон с интересом следил за публикациями о расследовании, но ни полиция, ни журналисты так и не приблизились к разгадке. Скоро общий интерес к этой истории пропал, и она забылась, как забываешь о волне, на смену которой приходит новая, о выброшенном пустом фантике, когда на столе стоит целая вазочка конфет, или о пыли, которую стирают во время уборки, а затем споласкивают тряпку.

Поезд пришел на станцию Хельм. Молодая девушка в шляпке, пальто и полусапожках поднялась по ступенькам и вошла в вагон. Она устроилась на мягком сидении, положила тяжелую сумку на колени и стала смотреть в окно. Двери закрылись, поезд тронулся...